

• ГЛАВА 1 •

ОПАЛЬНЫЙ

Товарищ министра внутренних дел Золотарев вызвал к себе директора Департамента полиции Белецкого и чиновника особых поручений Лыкова. Подчиненных он встретил насупленно:

— Опять у вас безобразия? Сколько так будет продолжаться?

— Где на этот раз вы их обнаружили? — с легкой ironией уточнил Белецкий.

— Да прямо у вас под носом, в столице. Вот!

И товарищ министра протянул директору лист бумаги. Лыков узнал сводку происшествий по Петербургу, которую градоначальство ежедневно прсыпало на Фонтанку. Один абзац в ней был отчеркнут синим карандашом. Именно так накладывал резолюции министр внутренних дел тайный советник Макаров.

— Ну-ка... — Сыпчик отобрал у начальства бумагу и прочитал вслух: — «Отмечено ограбление казенной винной лавки напротив Ириновского вокзала, уже четвертое с начала июня». Что, Департамент полиции дол-

жен теперь дознавать погромы винных лавок? Игнатий Михайлович, поясните, пожалуйста.

Лыков третью неделю как восстановился на службе. В начале 1912 года он угодил по ложному обвинению в Литовский тюремный замок. Друзья сумели доказать его невиновность лишь к лету. Ошельмованный сыщик вернул себе дворянство, чин и ордена, а вот прежнее место ему пришлось отвоевывать. Министр всячески препятствовал этому. Макаров взъелся на Лыкова неизвестно за что, упек его в кутузку, а потом пытался третировать. В конце концов все наладилось. Статский советник не показывался тайному на глаза, а масштаб его поручений уменьшился. Прошли те времена, когда Алексей Николаевич выполнял высочайшие повеления или приказы председателя правительства. Сейчас высшей для него инстанцией стал бесцветный Золотарев, курирующий вопросы полиции через пень-колоду... Ну и черт с ними, небожителями, решил Лыков. Когда надо, в верхах бывал директор департамента и передавал потом задания для исполнения вниз. Но вот пресечь грабежи казенных винных лавок — это уже чересчур.

Белецкий тоже обиделся — и за свое ведомство, и за подчиненного:

— Да, Игнатий Михайлович, как же так? Градоначальство на что? Мы все же Департамент полиции, а не Охтенский полицейский участок!

Золотарев смущился, но пересилил себя и опять напустил строгость:

— Приказ Александра Александровича¹: помочь, бросив все другие дела. У вас, Степан Петрович, есть же в подчинении умелые люди, опытные сыщики... Или нет? Вы утверждали, что имеются.

Белецкий фыркнул:

— Самый опытный перед вами, Алексей Николаевич Лыков. Только к лицу ли нам палить по воробьям из полевой гаубицы? Много чести.

— Приказы начальства обсуждать — последнее дело, — нравоучительно парировал товарищ министра. — Потому мы этим заниматься не станем. А пойдем их выполнять. Ясно?

Департаментские повесили головы. Макаров, мелочная душа, вымешал злобу на подчиненных. Но формально он имел право раздавать им любые поручения, даже такие дурацкие. Приходилось мириться.

— Разрешите уточнить, ваше превосходительство, что именно поручено вверенному мне департаменту² — перешел на официальный тон Белецкий.

— Оказать содействие полиции градоначальства в поиске и ликвидации грабителей винных лавок. Казне нанесен значительный ущерб. Три, что ли, тысячи... Филиппов² не справляется. Сейчас конец июля, полтора месяца идут погромы, результатов нет. Мы Петер-

¹ Макаров Александр Александрович — министр внутренних дел. (Здесь и далее — примеч. автора.)

² Филиппов Владимиr Гавrilovich — начальник Петербургской сыскной полиции (ПСП).

бург! Тут муха не должна пролететь без ведома властей. А у них четыре ограбления подряд.

— А что на это сказал Даниил Васильевич? — задал резонный вопрос Лыков. Дело в том, что министр не мог просто так взять и послать Департамент полиции подпереть столичных сыщиков. У тех был свой атаман, градоначальник Драчевский. Даниил Васильевич являлся человеком честолюбивым и не терпел вмешательства посторонних в свои дела.

— Министр ему телефонировал и заручился соглашением, — пояснил Золотарев. — Так что... начинайте. Вы свободны.

Полицейские вышли из кабинета и некоторое время молчали. Кругом уши, мало ли что. Лишь когда они оказались в огромном кабинете Белецкого, тот смахнув выругался. Потребовав чаю, Степан Петрович не без смущения заявил статскому советнику:

— Деваться некуда, идите на Офицерскую и разберитесь. Четыре нападения за полтора месяца — и впрямь многовато. Чего Филиппов тянет? Вдруг ему действительно нужна ваша помощь?

— Владимиру Гавrilовичу? — усмехнулся Лыков. — Кому угодно, только не ему. Он еще нас с вами поучит жуликов ловить.

Директор молча смотрел в стакан. Алексей Николаевич так же молча кивнул и отправился к себе. Из кабинета он связался через телефон с начальником ПСП и начал было ему объяснять, что им надо увидеться. Однако тот перебил собеседника:

— Я уже в курсе. Если есть время, приходите прямо сейчас.

Вскоре два сыщика распивали чай и перемывали кости министру. Чин градоначальства сообщил департаментскому, как все вышло. Оказалось, что Макаров перехватил Драчевского где-то на улице и попросил «занять хоть чем-нибудь этого бездельника». Лыков-де явился обратно на службу против его воли и теперь сидит сиднем. Получает огромное жалованье, сам ничем не занимается, играет фронду и распускает про шефа грязные сплетни. Драчевский, по словам Владимира Гавриловича, высказал удивление. Он знает Лыкова не первый год, и тот представляется градоначальнику умным, опытным и порядочным. На что министр заявил: вот и забирайте такого порядочного себе, а мне он не нужен... На ходу сановники сочинили повод, а именно грабежи казенных винных лавок. После этого генерал позвонил Филиппову, извинился, что не сумел сдержать ministerского напора, и попросил тактично разъяснить все Алексею Николаевичу. Навязчивую просьбу «честного нотариуса»¹ придется выполнить. Если получится у статского советника чем-то помочь ПСП, он, Даниил Васильич, будет признателен. А так... чего обижаться на дурака. Макаровым в Царском Селе недовольны, его рано или поздно турнут с должности, и все наладится.

¹ «Честный нотариус» — прозвище Макарова в правительственные кругах.

Лыкову было неприятно слушать, какие гадости говорит о нем собственное начальство. Но что поделаться? Сыщик служил в столице уже больше тридцати лет. В кругах правоохранителей его репутация стояла высоко. Умные люди знали цену макаровским инсинациям, знали и их подоплеку. Оставалось терпеть и ждать, пока нотариуса отправят в Госсовет.

— Владимир Гаврилович, что там на самом деле с нападениями? Уже четвертое. Почему вы их не завинтили до сих пор?

— Да вот-вот завинтим. Ребята не простые фарточные, а с политическими запросами. Мы и валандались с непривычки. Пришлось втянуть охранное отделение.

— Грабят винные лавки под видом борьбы за свободу? Анархисты, что ли?

— Они самые, Алексей Николаевич.

И Филиппов рассказал коллеге о ходе дознания.

Первое нападение случилось 3 июня, когда Лыков еще состоял под судом и ждал оправдания. Восемь человек ворвались в лавку на Большой Белозерской улице под вечер, когда сиделец подсчитывал выручку. Дали рукояткой нагана по голове, выхватили кассу и ушли вразвалку. Потерпевший никаких примет вспомнить не смог. Сказал, что ребята вели себя нагло. Орудовали не спеша, без стеснения, захватили с собой дюжину бутылок с красной головкой. Денег взяли триста сорок шесть рублей.

Сыскная сначала не обратила на этот налет особого внимания. Ну, приказали агентуре навострить

уши... Однако уже через неделю наглецы отметились вторично. Они разгромили популярную казенку на углу Арсенальной и Минеральной улиц. Половина пролетариев Выборгской стороны покупала там огненную воду. Держателю лавки сунули в бок нож, его помощнику сломали руку. Опять нападавших было восемь, и опять приметы отсутствовали. Выручка составила тысячу с лишним рублей, и градонаачальник осерчал. За бандитов взялись всерьез. Сыскные надзиратели прошлись по притонам правого берега Невы. Трясли шпанку как следует, но выяснили лишь одно: громилы были не из фартовых. Прикатили откуда-то со стороны, с местным отребьем не общались. В пивной «Мюнхен» их несколько раз видел осведомитель. Восемь мужиков, развязные. Пили крепко и говорили про народное счастье. Называли себя анархистами-синдикалистами, а рожи такие, что оторопь берет. База у идейных грабителей находилась за городом. В разговорах упоминались деревни Сосновка и Гражданка. Сыщики ринулись туда — и обмисшурись. Похоже, ребята были не столь глупы и нарочно дали ложный след. Розыски окончились впустую, а тем временем состоялось третье ограбление. Разбили лавку № 217, что возле Строгановского сада. Стоявший у двери рабочий авиационной мастерской Русско-Балтийского вагонного завода попытался помешать грабителям. Его застрелили в упор. Заодно ранили сидельца с помощником, помощник к утру скончался. Отобрали шестьсот с небольшим рублей

денег, снова прихватили водку и ушли в сторону Черной речки.

Два убийства всполошили власти окончательно. Филиппов получил нагоняй и отправился в Петербургское охранное отделение. Начальник ПОО полковник фон Коттен дал ему сведения об анархистах. Оказалось, что таковых в России уже и не осталось! Все, кто не угодил на каторгу, сбежали за границу. И появление восьми боевиков в столице — весь невозможная. А как же разговоры в пивной «Мюнхен», спросил главный сыщик. Сказано для отвода глаз, ответил главный охранник. Это как с Гражданкой, называется дезинформация. Искать надо в другом месте, а именно в уголовной среде.

Владимир Гаврилович не поверил Михаилу Фридриховичу. И поручил сыскному надзирателю Креневу разузнать все про идеиных налетчиков. Кренев, как всегда, оказался на высоте. Он копнул глубоко и чуть ли не составил историю анархизма в России.

Филиппов вынул из стола и протянул Лыкову рапорт подчиненного на семи листах:

— Ознакомьтесь. Я сам зачитался, как Майн Ридом. Помнится, когда мы вытаскивали вас из Литовского замка, меня предупреждал о такой тенденции один из создателей «перекрасочной мастерской» Тольх¹. Он сказал, что уловил новое веяние: блатные стали объединяться с политическими. И это кончится плохо для

¹См. книгу «Взаперти».

империи. Я, признаюсь, не поверил. И вот доказательства. Анархисты, сволочь — чем они лучше бандитов? Но подводят под это идеологию!

Лыков взял рапорт и стал бегло его читать. Документ и впрямь оказался интересным. И он, и Филиппов, и Кренев были уголовные сыщики и с политическими противниками дел не имели. Но тут сошлись оба фланга, переплелись и объединились. Получилось месиво вполне жутковатое.

Сергей Николаевич Кренев изучил секретные архивы охранки и выяснил историю русского анархизма от Адама и Евы.

Оказалось, что русаки одарили мир двумя теоретиками — Бакуниным и Кропоткиным, но в практике убийств отстали. Повсюду уже резали власть имущих, а одна шестая часть суши спала. Сначала покушения были неудачными: дважды повезло кайзеру Вильгельму Второму и разок итальянскому премьеру Кайроли. Затем в Чикаго одной бомбой погубили сразу шестерых полицейских и восемь вожаков анархизма отправили на виселицу. Террор разгорелся с новой силой к концу столетия. Президент Франции Сади Карно, императрица Австрии Елизавета, первый министр Испании Кановас дель Кастильо, король Италии Умберто Первый, президент Северо-Американских Штатов Мак-Кинли... Самыми страшными для общества оказались безмотивники, готовые казнить всех, кто моет руки перед едой. Наконец запечелилась и Россия.

Первые кружки появились в стране сравнительно недавно. 29 августа 1904 года в Белостоке состоялся и первый террористический акт анархистов. Нисан Фарбер, вождь организации «Борьба», ударили кинжалом в шею фабриканта Кагана. За то, что тот проявлял неуступчивость к экономическим требованиям своих рабочих. Каган выжил, а сам Фарбер умер спустя два месяца. 6 октября он пытался взорвать полицейский участок в Белостоке, но погиб от своей же бомбы. Однако знамя террора подхватили другие. И началось...

Накануне войны с Японией в стране существовало три устойчивых центра анархизма: Белосток, Одесса и Екатеринослав. Борцы с режимом имели различные оттенки, в которых путались даже специалисты ОКЖ, Отдельного корпуса жандармов. Синдикалисты, анархокоммунисты, махаевцы, хлебовольцы, чернознаменцы, безнacialьцы, индивидуалисты, вольные общинники... Все они вскоре так или иначе взялись за оружие. С 1905 года по улицам русских городов обильно полилась кровь...

Безмотивники взорвали бомбы в варшавском ресторане «Бристоль» и перед одесской кофейней Либмана. Их «мотивированные» товарищи пошли еще дальше. Они подняли на воздух полицейский участок в поселке Амур-Нижнеднепровское. Убили начальника Брянского отделения Московско-Казанского ЖПУЖД¹. Уничтожи-

¹ ЖПУЖД – жандармско-полицейское управление железной дороги.

ли бомбой часть помещения губернского жандармского управления в Одессе. Там же спустя полгода ограбили на 60 000 отделение Санкт-Петербургского коммерческого банка (в компании с эсерами). В Ростове-на-Дону в частном банке взяли еще больше – 200 000. В Екатеринославе взорвали гостиницу «Франция» и совершили 4 экспроприации (правда, всего на 8321 рубль). На станции Верхнеднепровск Екатерининской железной дороги разгромили почтовое отделение. В Душети Тифлисской губернии напали на казначейство и вынесли аж 250 000. В Бессарабии близ Хотина опять разнесли почту на 80 000. При этом погибло много служивых людей и немало случайных прохожих.

Всего в эти смутные годы анархисты совершили несколько десятков кровавых эксов, часто и охотно пуская в ход оружие.

След, который взял Кренев, появился в 1906 году в Москве. Там боевая группа «Свободная коммуна» совершила двенадцать нападений на рестораны, а также на артельщиков, перевозивших денежные суммы. Прежде чем жандармы разгромили группу, она успела завладеть 55 000 рублей. Большая часть налетчиков отправилась на каторгу, но некоторые уцелели. Отсидевшись где-то, в 1910-м они вновь взялись за старое. Теперь эти люди называли себя «Московской группой анархистов-коммунистов». В ней собралось более сорока боевиков, и охотнее всего они грабили именно казенные винные лавки. Не брезговали и почтово-телеграфными конторами. За полтора года анархокоммунисты совершили

десяток эксов в Московской, Костромской и Смоленской губерниях, застрелив при этом семь человек. Вновь их отыскала охранка, но, как и в первый раз, переловила не всех. Восемь самых активных успели исчезнуть из Первопрестольной накануне ликвидации.

Полковник фон Коттен был убежден, что грабители с Выборгской стороны и есть те самые недобитые боевики. Московское охранное отделение сообщило ему сведения, полученные на допросах от схваченных анархистов. Вожаками коммунаров были известные деятели Вильгельм Мишке и Владимир Бармаш. Мишке повесили в ноябре 1906 года. А вот Бармаш сильно заинтересовал Лыкова. Он начинал как эсер и принял участие в знаменитой экспроприации в Московском обществе взаимного кредита, когда было похищено 875 000 рублей. Организовал нападение Владимир Мазурин, которого Алексей Николаевич безуспешно искал после вооруженного восстания. Мазурин командовал боевиками, расстрелявшими начальника Московской сыскной полиции Войлошникова на глазах у его семьи... Лыков очень хотел свести счеты с негодяем, но его опередили. Вовка оказал при аресте сопротивление полиции и тоже закончил на виселице. А Бармаш отдался всего лишь тремя годами тюрьмы и последующей ссылкой. Весной этого года он вернулся в Москву, вскоре был арестован и снова выслан в Восточную Сибирь. По документам МОО¹, головореза изолировали от общества.

¹МОО – Московское охранное отделение.

Итак, оба главаря экспроприаторов вышли из игры: один на время, второй навсегда. Кто же тогда командовал уцелевшими боевиками? Охранники предполагали, что это был третий руководитель бывшей «Свободной коммуны» Евгений Жукевич-Стоша. Отчисленный студент Московского сельскохозяйственного института, он во многом уступал предыдущим главарям и взял на себя первую роль лишь после их смерти. Согласно показаниям арестованных сообщников, Жукевич-Стоша был хитрым, честолюбивым и не забивал себе особо голову теорией анархизма. Любил красивую жизнь, рестораны и дорогие гостиницы. Носил золотые часы и запонки с бриллиантами, купленные на деньги от эксов. По характеру он напоминал хорошо знакомых Лыкову варшавьяток, полуполитических-половоголовых ребят с револьверами. Такие легко сходятся с фартовыми. Почерк революционных деятелей тоже весьма походил на приемы обычных бандитов: налететь, пострелять, вместе с деньгами реквизировать водку...

Московское охранное помогло питерским коллегам идентифицировать боевиков. Но оно не знало ответа на главный вопрос: где их искать? Четыре грабежа, двое убитых и двое раненых — пора прекратить этот разгул. И тут сработали люди Филиппова. Владимир Гаврилович рассказал Лыкову ход дознания.

Экспроприаторы, как уже заметили сыщики, не слишком сдерживали себя. И сутки назад двое из них оказались замешаны в скандале в трактире «Хижина

дяди Тома». Злачное заведение на Выборгском шоссе полюбилось неприхотливой публике. И анархисты подрались по пьяному делу с мастерами завода «Айваз», выпускающего гильзонабивные машины. На буйнов составили протокол. Среди зевак случайно оказался сыскной надзиратель, курирующий Лесной участок. Он заметил, что приметы одного из задержанных совпадают с приметами боевика, объявленного в розыск. Высокий мосластый парень, отзывается на кличку Каурый¹. Кренев в рапорте особо выделил рыжего: по словам свидетелей, именно он застрелил пролетария возле Строгановского сада. Надзиратель проследил за скандалистами и довел их до дома № 12 по Старо-Парголовскому проспекту.

Из участка уже сообщили, что в доме прописана разная публика, в том числе восемь артельщиков из Архангельска. Привезли товар, теперь ждут заказ, чтобы не возвращаться домой с пустыми руками. Ну, попиваются; а кто сейчас не пьет? Люди при деньгах, вот и балуются.

Филиппов, дойдя до этого места, хлопнул ладонью по столу и возбужденно сказал:

- Они, псоватые! Те, кого мы ищем.
- Похоже на то, — согласился Алексей Николаевич. — Я знал, что моя помошь вам не понадобится.
- Ежели хотите, можете принять участие в аресте, — предложил Владимир Гавrilovich.

¹ *Каурый* — светло-каштановый, рыжеватый.

Лыков замешкался с ответом. Время, когда он лез в любую заварушку, давно прошло. Но сейчас сыщик оказался в неудобном положении. Собственный министр оставил его в глазах градоначальника. Поручение помочь запоздало: люди Филиппова все уже сделали самостоятельно. Так хоть под занавес ударить пальцем о палец. Будет что указать в отчете. Есть риск словить пулю, но это ему не в новинку... И статский советник беззаботно ответил:

— С большим удовольствием приму. Когда явиться?

— К одиннадцати часам. Можете вашего аргонавта с собой прихватить. Восемь отчаянных — это много; боюсь, нас ждет бой.

Алексей Николаевич откланялся и отправился к себе на Фонтанку. Действительно, как поступить с Азвестопуло? Звать его на опасную операцию или пожалеть? У него жена в положении, ждет второго ребенка. И Лыков решил не подвергать помощника лишней опасности.

В результате вечером ему пришлось пуститься на хитрость. Он послал Сергея в Департамент общих дел министерства, на Фонтанку, 57. Будто бы ему срочно понадобились формуляры начальников сыскных отделений Оренбурга и Астрахани. Белецкий намеревался провести их ревизию, поручение выглядело правдоподобно. Азвестопуло уже ушел, как вдруг вернулся с полдороги. И не один, а с Петровским. Лыков как раз смазывал свой браунинг, и его застали врасплох.

— Так-так... — зловеще произнес коллежский асессор, глядя на шефа, как солдат на вошь. — Вон он до чего докатился... Ну-ну...

Петровский служил чиновником для поручений ПСП и заведовал в ней Летучим отрядом. Именно Леониду Константиновичу поручались самые опасные задержания. Подчиненные ему агенты были опытные и бывалые люди, а их начальник славился своей храбростью. Теперь он заговорил с порога:

— Алексей Николаевич, я Сергея Маноловича уже проинформировал, что собираемся на полчаса позже. Сунулся к вам картотеку посмотреть, а тут очень удачно ваш помощник...

— Действительно, удачно, — согласился Лыков. — Спасибо, и до вечера.

Петровский удалился. Азвестопуло сел напротив шефа и ощерился:

— Не наигрались еще в казаки-разбойники, ваше высокородие? Шестой десяток идет. Пора бы остепениться. Или хотя бы не врать!

Последние слова коллежский асессор произнес с наожимом. Лыков стал оправдываться:

— Сереж, а что я мог сделать? Макаров меня в гроп не ставит, оставил в глазах Драчевского. Высосал из пальца дурацкое поручение — помочь Филиппову. Чем я могу ему помочь? Сам рассуди. Они все уже сделали без меня, анархистов нашли, сегодня ночью будут их вязать. Мне предложили явиться к шапочному разбору.

— Это я могу понять, — сварливо ответил Сергей. — А вот...

— Почему тебя не позвал? Так это... мое поручение. Схожу поглядеть и вернусь. Делов-то. Знаешь, сколько туда народа сгонят? Люди Петровского, волкодавы из охранного, наряд полиции во главе с помощником пристава. Ну и я, грешный, буду путаться у них под ногами. Ты там для чего?

— Ага! Вы еще скажите: жена в положении.

— И скажу! Разве не так? Сергей, зачем ты скандализируешь? Обычное задержание, сколько их уже было?

— Так ведь это анархисты, а не карманники с трамваем! — сорвался помощник. — Восемь стволов. На кой шут вы вообще туда лезете? Вам же не поручали их арест! На это имеются чины градоначальства.

Полицейские замолчали — говорить было не о чем. Спустя минуту Азвестопуло полез в стол, вынул свой маузер и тоже начал его смазывать.

Лыков оказался прав: к дому на Старо-Парголовском проспекте явилась целая толпа. Семеро с Офицерской, восемь с Александровского проспекта¹, десяток городовых от Лесного участка и до кучи два чина Департамента полиции. Алексей Николаевич быстро понял, что провести операцию тихо у них не получится. Под ложечкой сразу заныло. Хоть бы он пришел один, без

¹По адресу Александровский проспект, 2, располагалось Петербургское охранное отделение.

Сергея! Но тот увязался с ним и сейчас машинально поигрывал маузером, унимал волнение.

Дрейфала, между прочим, вся арестная команда. Лица у людей были напряженные, они нервно переговаривались и приказ оцепить дом выполняли как-то заторможенно, неохотно.

Проспект был окраинный, его застроили двухэтажными коробками непрятательной архитектуры. Двенадцатый дом оказался в три этажа, с мелочной лавкой внизу. Нужные полиции люди проживали наверху, в большой угловой квартире. Руководил арестом Петровский. Он расставил городовых снаружи, а сам со своими людьми вошел в подъезд. Чины охранного отделения во главе с ротмистром Вуичем шли во втором эшелоне. Лыков с Азвестопуло остались у ворот, готовые вмешаться, когда понадобятся. Но тут произошло то, чего статский советник и опасался. Команда наделала шума, анархисты успели приготовиться к обороне. И сверху во двор полетела бомба...

Алексей Николаевич увидел черный предмет, падающий ему чуть не под ноги, но среагировать не успел. В ночной темноте вспышка ослепила его. В глазах сыщика жахнуло, что-то ударило в голову, и он рухнул на землю.

Удар был сильным, но сознания Лыков не потерял. Он лежал оглушенный и пытался понять: живой? мертвый? покалеченный? Тут его стали трясти за плечо. Оказалось, это Азвестопуло. Он что-то кри-

чал, только звуков Алексей Николаевич не слышал. Сергей прижимал руку к щеке, вид у него был ошарашенный.

— Что? — спросил наконец шеф.

— Вы как?

— Не знаю еще.

Коллежский асессор помог шефу сесть. Тот опустился: вроде целый.

— Что у тебя со щекой?

— Обожгло, кажется. Крови нет...

Слух постепенно возвращался, и скоро Лыков разобрал, что в доме идет густая стрельба. Кто-то ревел как зверь, звенело и сыпалось на двор разбитое стекло. Потом прямо из окна третьего этажа выпрыгнул человек. Ловко приземлился на ноги и метнулся к воротам. Там стоял городовой, он вынул шашку и принял угрожающую позу. Неизвестный кинулся к забору. У департаментских не было сил подняться, они лишь молча наблюдали. Вдруг из-за угла появился дворник, он всцепился бандиту в ноги, сдернул его с забора и повалил с криком:

— Врешь, анцибал, не уйдешь!

Борющиеся катались по земле рядом с полицейскими. Те оцепенело продолжали смотреть. Городовой от ворот сунулся было на помощь, но сбоку послышались выстрелы, и он побежал туда. А бандит тем временем начал одолевать дворника. Он вывернулся, подмял его под себя и стал мутузить наотмашь. Тут Лыков не выдержал, изловчился и, не вставая, сильно двинул злодяя.

дею в ухо кулаком. Противник повалился на бок. Дворник, охая, поднялся. Наклонился, посмотрел на повергнутого врага и сказал сыщику:

— Благодарствуйте, вашество. Ай, хорошо угостили — без чувствов лежит-с.

Он подал сыщикам руку и помог укрепиться на ногах. К этому времени стрельба прекратилась, во двор начали выводить задержанных. Петровский стоял у двери и громко считал:

— Первый... второй... третий...

Так он дошел до шести. Лыков спохватился:

— Леонид Константинович, их восемь было. Седьмой вон распластался. А где последний? Пускай в комнатах поищут.

— Обыскали уже, Алексей Николаевич, — ответил начальник Летучего отряда. — Нету больше никого. Семеро попались. Включая того, который распластался. Кто его, дворник? У вас вид уж сильно помятый.

— Они сами его-с, — ответил бородач, приложивая оторвавшуюся бляху. — С душой приложили-с. Уж начал гад меня пригибать. Годы, годы... Разве ж раньше я бы поддался?

Статский советник постепенно приходил в себя. Наконец он оторвал руку помощника от щеки, деловито осмотрел его лицо и констатировал:

— Жить будешь. Обожгло, но не сильно.

Азвестопуло повеселел, а шеф спросил:

— Как же мы с тобой уцелели? Гляди, пятно в сажени от нас.

В самом деле, в свете луны была видна почерневшая от взрыва земля.

— Ты же Серега Сапер. Поясни.

Сергей в бытность свою «демоном»¹ выдавал себя за бомбиста, для чего изучил взрывное дело. Теперь он уверенно заявил:

— Бомба была безоболочная.

— Какая-какая? — хором спросили Лыков, Петровский и подошедший ротмистр Вуич.

— Без оболочки, то есть не дала поражающих элементов, осколков. Поэтому нас контузило, но не убило.

— Повезло, — крякнул жандарм. — Профурсили ребята все элементы.

— Не уверен, — возразил грек. — Анархисты — люди решительные, гвоздей насыпали бы, не пожалели. Или гаек, все едино. А тут вон как. Думаю, тот, кто кинул заряд, не хотел нас убивать. Только напугать, вывести на время из игры.

Алексей Николаевич спохватился:

— Кого не хватает? Главаря?

Он выдернул из шеренги лохматого парня в кубовой рубахе:

— Где Жукевич? Это атаман ваш бомбу в нас кинул?

— Бомба у него была, у Студента, — подтвердил арестованный.

¹ «Демон» — легендированный агент полиции, внедренный в преступную среду.

— Наделал грохоту и удрал под шумок, — сообразил Петровский. — Ну ловкач! Своих бросил под наши пули, а сам...

— Кстати о пулях, — спохватился статский советник. — Пока мы валялись...

— Вы о потерях? Их, слава богу, нет. У меня одного чиркнуло по рукаву и у охранной команды человеку плечо оцарапало. Но ерунда, все целы.

— И анархисты целы, постреляли для вида и сдались, — подхватил Вуич. — Я же говорю: повезло. Никто ни в кого не попал...

Опасное задержание превратилось в фарс. Стороны повоевали немного для очистки совести и, не понеся потерь, заключили перемирие. И лишь два командированных чиновника Департамента полиции, без которых вполне можно было обойтись, получили контузию.

В два часа ночи Лыков и Азвестопуло ввалились в дежурный покой Городской Выборгской больницы, что на Большом Сампсониевском проспекте, и потребовали доктора. Явился заспанный эскулап. Он был, как тогда говорили, «с юго-западным лицом»¹. Внимательно осмотрев полицейских, доктор выписал Сергею мазь, а его начальнику капли в ухо. Сказал при этом:

— Кажется, вам можно идти в вашу православную церковь и ставить свечки. Угадал?

¹ Еврейской наружности.

— Навроде того, — уклонился от прямого ответа коллежский асессор.

— Щека скоро заживет. А вот ухо не запускайте, иначе есть опасность оглохнуть, — обратился доктор к Лыкову. — Хорошо бы вам полежать под наблюдением врача.

— Пишите перевязочное свидетельство. На обоих.

— Вашему молодому коллеге тоже? Э-э... там легкий ожог...

— Пишите. Что, вам бумаги жалко? А ему наградные дадут.

— Понял, — весело ответил врач и накатал два перевязочных свидетельства. У статского советника он констатировал сильную контузию с повреждением барабанной перепонки, а у коллежского асессора — поранение лицевых тканей.

Алексей Николаевич пришел домой и попал на допрос к жене. Она сварливо выясняла, за каким лядом чин пятого класса поперся на задержание. Потом сорудила мужу компресс и обозвала контуженным прикурком...

На другой день Лыков, не с самого утра, показался на глаза директору. Белецкий уже знал, что поручение министра оказать содействие градоначальству выполнено. И что два чиновника едва не поплатились за это жизнью.

— Так, говорите, бомба была без-обо-лоч-ная? — по слогам выговорил директор.

— Азвестопуло так сформулировал, ему виднее. Я в свое время посыпал его на курсы в школу стрельбы¹.

— Хе-хе... Их там было восемь человек?

— Точно так, Степан Петрович.

— И один сбежал, а именно главарь? Пока вы с Азвестопуло выходили из горизонтального положения...

— Увы. Жукевич-Стоша по кличке Студент кинул заряд прямо нам под ноги. Взрыв был такой, что я простился с белым светом. А оказалось, нужны лишь капли в ухо, все остальное цело. Сергею Маноловичу наружность испортили, но тоже заживет. Судя по всему, главарь не собирался убивать, а хотел только напугать. Что ему вполне удалось...

Белецкий глядел на подчиненного с сочувствием:

— Да, кто бы мог предвидеть. В очередной раз Бог отвел. Вам требуется отпуск для лечения?

— Доктор рекомендовал.

— Даю три дня. Министру я уже доложил, что его поручение вами выполнено с риском для жизни. Опаснейшая банда обезврежена. Одного из злодеев мы схватили лично, несмотря на контузию. Так ведь? Так. Вашему помощнику выпишу наградных двадцать пять рублей. Пусть тоже отдохнет... денежкой другой. Ступайте, Алексей Николаевич, жду вас в четверг.

Лыков поблагодарил и удалился. Но домой он не пошел, а направился в сыскную. Там его дружески при-

¹ *Офицерская артиллерийская школа стрельбы* — военно-учебное заведение русской армии.

ветствовали коллеги, спрашивали про ухо и пытались подбодрить. Ответив на вопросы, статский советник отобрал у Кренева бумаги про анархистов и углубился в чтение. Он хотел найти Студента и вернуть должок. Напугал, сволочь, так, что до сих пор ноги будто ватные. Ну, берегись...

Из бумаг охранного отделения и впрямь следовало, что анархистов в России больше нет. Кто же тогда грабил казенные винные лавки в столице? Алексей Николаевич стал делать выписки.

В справке говорилось: после событий 1905–1907 годов главные организации переместились за рубеж. В империи народились новые, которые более походили на шайки уголовных. Лозунги они взяли прежние, а названия сделались совсем уж опереточными. «Кровавая рука», «Лига красного шнура», «Черные вороны», «Мстители» и тому подобные отряды прославились жестокостью и неразборчивостью. Борьба с правительством вылилась исключительно в экспроприации наличности. А новые бойцы спускали добычу в ресторанах.

Все это давало сыщику надежду, что Студент отыщется. Его образ жизни неизбежно сведет анархиста с простыми уголовниками. И тогда агентура даст сигнал. Жукевич-Стоша остался без подельников. Добычу банда успела разделить, и атаман долго на своей доле не протянет. Деньги кончатся, ничего другого, кроме как грабить, Студент не умеет. Надо только подождать.

Алексей Николаевич улучил момент и проскочил к начальнику сыскной. Филиппов принял коллегу со-

чувственно и тоже спросил про ухо. Чиновник отмахнулся:

— Да все нормально. Легко мы отделались, ну и слава богу.

Владимир Гаврилович порылся в столе и вынул какие-то жестянки:

— Вот, нашли в той квартире. Лежали под кроватью.

Лыков посмотрел и внутренне содрогнулся. Это была оболочка для бомбы. Одна жестянка, меньшая по диаметру, была вставлена в другую. Зазор между ними был заполнен рублеными гвоздями.

— М-да... Не успел или не захотел?

— Стоша? — уточнил главный сыщик. — Поймаем — узнаем. Что-то еще скажут допросы его ребятишек. Вы с какой целью интересуетесь?

— А с целью поймать, — признался Лыков. — Напугал он меня своей хлопушкой. Обидно!

— И зачем вам его ловить? Оставьте это дело Петербургской сыскной полиции.

Алексей Николаевич протестующе поднял ладони:

— Жукевич-Стоша не столько политический злодей, сколько уголовный. Вы сами мне говорили, что эти две силы смыкаются. И когда они сольются, империя может не выдержать.

— Вы надеетесь еще спасти империю? — невесело ухмыльнулся Филиппов.

— А вы полагаете, что уже поздно?

— Нет, еще не поздно. Однако дело сие неблагодарное и небезопасное.

Владимир Гаврилович покосился на дверь и продолжил:

— Насчет Распутина слышали? Вот кого в первую очередь надо выкинуть из столицы. А попробуй выкинь! Сам вылетишь в два счета. Наш, с позволения сказать, самодержец пилит сук, на котором сидит, с удивительной настойчивостью...

Лыков кое-что уже знал про «святого старца» и тоже полагал, что таких людей при Дворе быть не должно. Разговоры подобные этому ходили по Петербургу не первый год. Но от Филиппова он слышал такие слова впервые.

— Неужели Распутин настолько влиятелен?

— Более чем, Алексей Николаевич. Имейте это в виду, не ссорьтесь с мерзавцем.

— Да мне нет до него никакого дела. А ему до меня.

— Вот и хорошо, — обрадовался Владимир Гаврилович. — Теперь насчет смычки политических с уголовными. Процесс начался после тысяча девятьсот пятого года, когда тюрьмы набили и теми, и другими. Стороны присмотрелись друг к другу и обнаружили, что у них могут быть общие интересы. Пока сделки единичны. Но что будет завтра? Слышали про моего однофамильца с «Потемкина»?

Лыков кивнул. Дело московских анархистов, которое охранка открыла прошлой зимой, было настолько необычным, что в Департаменте полиции ему сначала не поверили.

В начале 1911 года осведомитель Московского охранного отделения по кличке Фельдшер был вне-

дрен в группу безмотивников. Эти боевики считались самыми непредсказуемыми. Их извращенные принципы позволяли убить кого угодно, например, за чистый воротничок. Поэтому охранники смотрели за такими революционерами в оба. Фельдшер сообщил, что группа собирается выехать на экс в Кострому. Десять человек с оружием купили билеты в один поезд, но сели в разные вагоны. Полиция решила не доводить дело до крови. Анархистов взяли в Костроме прямо на вокзале. Но главарь, некто Савельев, ушел. И с ним еще парочка боевиков. По счастью, они не поняли причины провала, свалили все на случайность. И вернулись на свои московские явки, где их приняли по первому разряду. Обыски обнаружили анархистскую литературу, револьверы, боеприпасы, но не подрывные заряды. А было известно, что у группы они имелись.

Фельдшер сидел в одной камере с Савельевым и отследил его записку, посланную из тюрьмы сообщникам. В ней было написано: «Надо убраться в квартире и сор выбросить или оставить на удобрение». Письмо ушло в Брянск, где его получил торговец по фамилии Малива. А главарь вскоре покончил с собой.

Тут вдруг стал давать откровенные показания некий Иван Филиппов, один из схваченных безмотивников. Начальник МОО Заварзин, опытный разыскной офицер, сумел выяснить его прошлое. Оказалось, Филиппов был матросом с броненосца «Потемкин». И не просто бузил во время бунта, а лично убил трех офицеров.

За это ему полагалась виселица. Желая спасти свою шкуру, негодяй пошел на сделку с жандармами.

Для начала он сообщил, что участвовал в налете на дом вдовы-помещицы в Калужской губернии и удушил пожилую хозяйку, дворника и служанку. В налете участвовали еще двое уголовных и маруха по кличке Танька Курносая. Моряк отдал Таньке свою долю богатой добычи и велел спрятаться в Брянске. Теперь он испугался, что после его ареста сообщники прикончат бабу и завладеют долей. Поэтому Ванька сдал подельников.

Но Заварзин потребовал от бандита-революционера подробностей и о других его подвигах. Филиппов рассказал, как сошел с броненосца в Румынии и пытался сначала прожить там честным трудом. Но заскучал, сел на торговое судно и приплыл аж во Владивосток, подальше от следователей. Во Владивостоке Ванька организовал собственную банду и за полгода прикончил около десятка человек. Полиция вышла на его след, двоих злодеев арестовали, а остальные уехали в европейскую часть России. Деньги и документы были припасены заранее, и негодяям удалось спрятаться. Сам Филиппов поселился в том же Брянске. Там он случайно познакомился с Савельевым, которому пригодился бы опытный головорез. Анархист позвал палача в свой боевой отряд. Началась новая эпопея, в которой уголовник и патологический убийца действовал бок о бок с борцами за народное счастье...

Ближайший сообщник Ваньки по разбоям на Дальнем Востоке тоже приехал в Брянск. Он жил там под

фамилией Малива и держал бондарную мастерскую. В город прибыли четыре опытных филера МОО, поселились поблизости и стали наблюдать за бондarem.

Старший из агентов быстро сошелся с Маливой, став его постоянным собутыльником в соседнем трактире. Подельник крепко выпивал, но держался настороже и о прошлом не говорил. Утверждал, что много лет не выезжал из Брянска, торгуя бочками, то да се... Однако агент заметил у него на руке татуировку в виде дракона, какие делали моряки, плававшие в китайских водах. А сплевывал Малива тоже по-особенному: далеко в сторону, по-матросски.

Через неделю филеры проследили, как в трактире к Маливе пришла молодая женщина со вздернутым носом и передала ему узел с вещами. Танька Курносая! Охранники выяснили ее адрес. Затем старший агент «открыл» бондарю, что он беглый солдат, приятель Филиппова, именно тот послал его в Брянск и дал паспорт. Малива лишь усмехнулся и ничего не ответил. Дознание застопорилось. Заварзин подождал день-другой и велел взять бондаря, его жену и Таньку.

Тут жандармов ждало разочарование. Обыск в жилищах не дал никаких улик. А задержанные на допросах от всего открепивались. Тайник с бомбами обнаружить не удалось, опасность, что они будут использованы в другом месте, оставалась высокой.

Выручил жандармов полицейский пес по кличке Треф. Любимец газетчиков, он раскрыл немало преступлений. Разыскную собаку высочайшего уровня подготов-

вил околоточный надзиратель московской полиции Дмитриев. Он и приехал в Брянск вместе со своим питомцем. Треф сначала не сумел найти тайник ни в доме бондаря, ни в огороде. Но старший фильтр вспомнил, что, когда он в последний раз вышивал с Маливой, заметил у того под ногтями землю. Не иначе бандит что-то рыл. Трефа опять пустили в огород, и он не сразу, но вынюхал за-кладку. На глубине два аршина охранники обнаружили просмоленный бочонок. А в нем — взрывчатку, волчью картечь для поражающих элементов, капсюли, корпуса бомб. И тот самый узел, который отдала хозяину Танька Курносая. В узле обнаружились двести номеров журнала «Буревестник», органа печати анархистов.

На дне бочонка лежали паспорта на фамилии Купченко и Шестовой. Оказалось, что бондарь на самом деле известный во Владивостоке бандит Петр Купченко. Беглый матрос Тихоокеанского флота убил священника, попал в тюрьму, из которой сбежал и примкнул к банде Филиппова. А его жена, Шестова — не менее знаменитая воровка и скрупица краденого.

Вторично Треф отличился при обыске в доме Курносой. Он смог учゅять в подвале под чаном с грязным бельем тайник. А в нем лежали те самые ценности, которые Филиппов взял при налете на дом помещицы.

По итогам брянского дознания по всей России было арестовано тридцать пять анархистов-безмотивников, найдено четыре тайника с бомбами и оружием. Продатель Филиппов, за которым числилось одиннадцать убийств, получил вместо виселицы бессрочную каторгу.

гу. Жуткий союз бандитов с революционерами ошарашил полицию, но отнюдь не вождей анархизма. Похоже, страну ждала новая эра, когда возможно все...

Владимир Гаврилович со вздохом раскрыл какой-то журнал и сказал коллеге:

— Тут статья главаря большевистских социал-демократов Ульянова. Старая, правда — от тысяча девятьсот шестого года. Но поражающе откровенная. Называется «Партизанская война». Не читали?

— Нет, — ответил Лыков, и на душе у него заскребли кошки. — Сильно прикладывает этот Ульянов?

— А вот послушайте.

И начальник ПСП зачитал длинную цитату:

— «Интересующее нас явление есть вооруженная борьба. Ведут ее отдельные лица и небольшие группы лиц. Частью они принадлежат к революционным организациям, частью (в некоторых местностях России большей частью) нет... Вооруженная борьба преследует две различные цели, которые необходимо строго отличать одну от другой; именно, борьба эта направлена, во-первых, на убийство отдельных лиц, начальников и подчиненных военно-полицейской службы; во-вторых, на конфискацию денежных средств как у правительства, так и у частных лиц». Чуете, Алексей Николаевич? Ему все равно, у кого отнимать деньги. Продолжаю: «Конфискуемые средства частью идут на партию, частью специально на вооружение и подготовку восстания, частью на содержание лиц, ведущих характеризуемую нами борьбу». Я бы сказал, что последнее встречается у них сплошь и рядом... Далее Уль-

янов пишет: «Крупные экспроприации (кавказская в две-
сти с лишним тысяч, московская восемьсот семьдесят
пять тысяч рублей) шли именно на революционные пар-
тии в первую голову. Мелкие идут прежде всего, а иногда
и всецело на содержание “экспроприаторов”... Обычная
оценка рассматриваемой борьбы сводится к следующему:
это анархизм, бланкизм, старый террор, действия ото-
рванных от масс одиночек, деморализующие рабочих,
отталкивающие от них широкие круги населения, дез-
организующие движение, вредящие революции. Когда
я вижу социал-демократов, горделиво и самодовольно
заявляющих: мы не анархисты, не воры, не грабители,
мы выше этого, мы отвергаем партизанскую войну, тогда
я спрашиваю себя: понимают ли эти люди, что они гово-
рят?» Вот еще фраза: «Утверждают: партизанская война
приближает сознательный пролетариат к опустившимся
пропойцам, боякам. Это верно». Каково? Но это еще
не самое страшное в статье, Алексей Николаевич. Сей-
час будет место много хуже: «Считать аномальной или
деморализующей гражданскую войну или партизанскую
войну, как одну из ее форм, марксист не может. Марксист
стоит на почве классовой борьбы, а не социального мира.
В известные периоды острых экономических и полити-
ческих кризисов классовая борьба доразвивается до пря-
мой гражданской войны, то есть вооруженной борьбы
между двумя частями народа. В такие периоды марксист
должен стоять на точке зрения гражданской войны. Вся-
кое моральное осуждение ее совершенно недопустимо
с точки зрения марксизма». Уф...

Филиппов отложил журнал и уставился осоловелым взглядом на собеседника:

— Вы поняли? Гражданская война — это когда одна часть народа убивает другую. И осуждение ее недопустимо. Марксист должен радоваться такому обороту и приближать его! Куда же нас ведут подобные ульяновы? И куда приведут? Тыфу. Страшно даже думать об этом.

Лыков, как мог, успокоил товарища насчет социал-демократов (авось еще не победят) и отправился домой. Контузия давала о себе знать. В ухе стреляло, голова разболелась. Он закапал лекарство, выпил чаю со смородиновым листом и лег вздремнуть.

Алексей Николаевич не показывался на службе до четверга, в рамках дозволенного начальством. Когда он появился на Фонтанке, его тут же вызвали к Белецкому.

Директор снова выглядел сконфуженно. Настолько, что сыщик почувствовал недобро:

— Опять? Что на этот раз?

— Вам предстоит командировка в Верхнеудинск, — развел руками действительный статский советник.

— М-м... А позвольте узнать зачем?

— Распоряжение министра. Вот, ознакомьтесь с перепиской и резолюцией его превосходительства.

Лыков взял пачку отношений и отправился в свой кабинет. Там сидел Азвестопуло с перевязанной щекой.

— Разве еще не зажило? — удивился шеф.

— Да это я так... чтобы сочувствовали... А то народ у нас злой: как узнают про наградные, завистью изой-

дут. До конца недели похожу с тряпичкой. А вы чего такой невеселый?

Алексей Николаевич отмахнулся и разложил бумаги. Это оказалась переписка между МВД и иркутским генерал-губернатором по вопросу учреждения в Верхнеудинске городского управления полиции.

Вопрос этот был Лыкову давно известен. Лет сорок назад, когда главная торговля с Китаем шла через Кяхту, большое значение имел приграничный город Троицкосавск. Но с развитием железнодорожного сообщения он утратил свою роль. Транссибирская магистраль и КВЖД забрали себе почти всю перевозку. Верхнеудинск, через который прошли рельсы, сделался важным складочно-перевалочным местом. Однако в нем не имелось собственного полицейского управления, только уездное. А Троицкосавск по старой памяти имел собственную полицию, хотя нужды в ней уже не было. Иркутские власти давно бомбили Петербург просьбами: в угасающем городке управление закрыть, а его штаты перевести к нуждающимся соседям. Простой, казалось бы, вопрос встретил сильное противодействие в Министерстве финансов. Генерал-губернатор полагал, что перевод штатов следует дополнить усилением содержания полицейских. Забайкалье — старый каторжный район, служба там трудна и опасна. А жалованье чинам правопорядка не повышали уже полвека. Тут бы и поощрить людей... Но премьер-министр Коковцов, оставивший за собой Министерство финансов, был верен себе. Никому ничего не добав-

лять! Ни армии, ни полиции, ни земству — обойдутся и так.

Кроме того, перекидывание штатов, хоть и между уездами одной губернии, требовало согласия Государственной думы. Здесь иркутяне встретили второе препятствие. Депутаты любили в пику правительству зарубить даже разумные законы. И проект крепко застрял в комиссиях.

Лыкову, да и любому компетентному человеку, было ясно, что вопрос об учреждении Верхнеудинского городского полицейского управления вязкий и трудный. В ближайшее время его было не разрешить. Тем не менее Макаров синим карандашом наложил на последнее отношение Князева¹ резолюцию: «Командировать в Верхнеудинск с.с.² Лыкова для подготовки мнения министерства». Вот скотина! Нарочно послал неугодного чиновника к черту на кулички с заведомо бессмысленным поручением. И ничего не поделаешь...

Азвестопуло заметил гримасы шефа, зашел ему за спину и стал читать бумагу. Потом сказал:

— Возьмите меня с собой! Там на одних прогонах сотни две срубишь.

— Командировка длинная, а у тебя Мария на сносях, — возразил Лыков. — Как ты от нее уедешь?

Но грек уперся. Он любил кататься со своим богатым начальником в командировке. Тот всегда брал на

¹ Князев Леонид Михайлович — иркутский генерал-губернатор.

² С.с. — статский советник.

себя содержание помощника, селил его в хороших гостиницах, кормил и поил за свой счет. И колледжский ассессор возвращался домой с толстым бумажником. Он ездил по лыковскому бесплатному годовому билету¹, а прогонные целиком забирал себе. Сергей принял канючить. Пришлось объяснять ему, что никто резолюцию министра подправлять не будет. Велено ехать Лыкову, он и отправится за тридевять земель. А другие останутся в столице.

Два дня ушло у Алексея Николаевича на сборы. Ольга Дмитриевна напекла ему пирожков на первое время, уложила коробку с ушными каплями. До Верхнеудинска больше шести тысяч верст. Никаких пирогов не напасешься, придется питаться в вагоне-ресторане. Эх...

В понедельник, 31 июля, Лыков сел в вагон и отправился на восток.

• ГЛАВА 2 •

ВОКРУГ БАЙКАЛА

Алексей Николаевич сошел на станции Верхнеудинск и осмотрелся. В дороге он провел ровно неделю, и поезд порядком ему надоел. Хотелось размять ноги, опустить под собой твердую почву. И отведать

¹ В Департаменте полиции имелись бесплатные годовые железнодорожные билеты для служебных нужд.

чего-нибудь помимо битков из курятины, которыми буфетчик экспресса явно злоупотреблял.

6 августа являлось неприсутственным днем по случаю рождения наследника цесаревича, тезки сыщика. Командированный был этому рад. Он хотел денек пожить в городке инкогнито, не представляясь властям. Поручение министра высосано из пальца. Лыков проехал мимо Иркутска сознательно: объясняться с генерал-губернатором Князевым у него не было никакого желания. Ровно поэтому же не поехал сыщик и в Читу, столицу Забайкальской области, уездным городом которой являлся Верхнеудинск. Тамошний губернатор генерал-майор Кияшко всего четыре месяца как в должности. Поди еще принимает дела. Отнимать у него время макаровскими глупостями значило унижаться безо всякой пользы. И столичный гость решил нарушить субординацию. Отбыть номер, сбрать за пару дней мнение здешних администраторов и лишь после этого заскочить в Читу. Там поговорить с Кияшко, уже будучи знакомым с вопросом, получить его визу и — домой. За Байкалом на ритуальные расшаривания смотрят проще, и можно поберечь время и нервы.

Алексей Николаевич поселился в номерах «Пекин» на Лосевской улице, прельстившись тем, что у них имелась собственная баня. Он помылся, побрился, отобедал как следует и еще успел погулять по окрестностям. Верхнеудинск стоял на слиянии Уды и Селенги, во впадине меж невысоких гор. Селенга — крупнейшая из рек, впа-

дающих в Байкал. В казачью Заудинскую слободу командированный не пошел: там нечего смотреть, кроме двух храмов. Он прошвырнулся по более чистой городовой части, осмотрел торговые ряды, Одигитриевский собор, католический костел и лучшие улицы: Большую Николаевскую, Читинскую, Базарную. Сыщик обнаружил в скромном городке даже триумфальную арку. Надпись гласила, что она возведена по случаю проезда через Верхнеудинск в 1891 году цесаревича, нынешнего императора Николая Второго.

Отужинал гость, по совету владельца номеров, в вокзальном буфете. После чего завалился спать, наслаждаясь покоем. Колеса не стучат, постель не трясется на стыках и не хранит сосед — как хорошо...

Утром Лыков надел мундир со старшими орденами и пошел представляться начальнику уезда. Надворный советник Кармазин был удивлен появлением высокого чина из самого Петербурга и поначалу воспринял его визит всерьез. Он разложил на столе выкладки и стал доказывать преимущества переноса к ним штатов из Троицкосавска.

— Вот глядите! Сегодня в Верхнеудинске проживает примерно семнадцать тысяч человек. В моем подчинении всего сорок городовых: восемь старших и тридцать два младших. Околоточных нет. Имеются три надзирателя, которые выполняют роль участковых приставов. Город разделен на три участка, сейчас собираемся завести четвертый. Очень быстро растем, знаете ли...

— Переселенцы? — сообразил командированный.